О КОТАХЪ И КОЗЛѢ.

— И подумалъ я еще вотъ что: много у насъ толкуютъ — а ино и толкутъ — о родномъ, о народномъ, о своемъ, свойскомъ, доморощенномъ, отечественномъ, русскомъ, — а иной, поутершись батистовымъ платочкомъ, съ цвѣтной каймой, заводитъ рѣчь *о національномъ*; и это вишь потому, что какъ заговоришь попросту, по–русски, такъ–вотъ такъ и стоитъ передъ почетнымъ кавалеромъ нашимъ — сохрани его Господь и помилуй — мужикъ въ зипунѣ да въ лаптяхъ; въ очью диво совершается! А *народное* и *простонародное*, покуда еще у насъ одно и то же; а мужичка въ лаптяхъ хоромный людъ нашъ цурается, что красная въ шелку дѣвица паука да лягушки. — Такъ много, говорю, стали у насъ толковать нынѣ объ этомъ родномъ и народномъ.... Да чуть ли, не въ обиду сказано, коты наши не

колобродятъ вкругъ горячихъ щей: то на одного подуетъ паръ, то на другаго; коты наши облизываются и разговоръ промежъ себя ведутъ, словно люди, и тонко, и круто, и звонко голосами выводятъ, и ночь и день мяучатъ, покою не даютъ.... Да не слыхать, что–то еще поколѣ, локнулъ ли который изъ нихъ, хоть разъ, горячихъ щей изъ горшка; хоть бы сказалъ намъ, какой въ нихъ вкусъ живетъ!

Можетъ–статься и не всякъ такъ со мною подумаетъ, а иной и поспоритъ; нужды нѣтъ, передъ нимъ. Кто что иное да лучшее знаетъ — сказывай, мы станемъ слушать; а намъ такъ думается — моготы въ себѣ не пересилишь, противъ вѣры не повѣришь. Намъ то и дѣло видится, какъ ухаживаютъ коты вкругъ горячихъ щей, вкругъ завѣтнаго горшка: одинъ мяучитъ на весь міръ, словно кто драйкомъ тебѣ въ ушахъ ковыряетъ; другой ломается да надсѣдается; третій сидитъ, притаился, вздулъ спину копной, урчитъ, а самъ ушами прядетъ, да ершится, да косится на–сторону; четвертый подсѣлъ и лапки

поджалъ, зажмурился, носъ повѣсилъ да снуетъ, храпитъ въ тихомолку себѣ — стало–быть сидѣть ему такъ больно сподручно и привольно, и самъ онъ на себя угодилъ. А подойди, да послушай ихъ, такъ тебѣ такія рѣчи запѣваютъ затѣйливыя, что послушаешь да и отойдешь. Спросите: а что же де говорятъ они? Да мудрено какъ–то вслушаться, а и того мудренѣе припомнить что слышалъ. Поколѣ слушаешь ихъ, такъ будто слышишь; а только отвернулся, то словно кто гороху въ свиной пузырь положилъ, да колотилъ тебя по башкѣ — только тѣмъ и отзывается; словно вотъ дымъ какой передъ тобою вѣтромъ разнесло, ничего въ поминѣ не осталось, только–что маленько глаза ѣстъ. Одинъ говоритъ: «Мы вишь всѣхъ лучше и всѣхъ краше, а прочій иной, заморскій людъ намъ и въ накопыльники не годится.» — А отъ чего такъ? — «Да отъ того–де, что это мы. — «Что дѣло, то дѣло; и это *ссуть резонтъ*». Другой говоритъ: «Свое, такъ стало быть оно и родное, и родимое, оно жъ и народное, оно и душу шевелитъ, и

противъ сердца, подъ ложкой копышется: кричи только ой! да охъ! да всплескивай руками, такъ и поймешь все это и полюбишь, не разстанешься». Тѣ велятъ учиться говорить и писать изъ разговоровъ въ *салонѣ*, и не думаютъ о томъ, что *солоно* отзовется намъ когда нибудь этотъ салонный разговоръ. Тѣ велятъ учиться изъ своихъ, изъ доморощенныхъ книгъ; тѣ опять держаться одной старины, а отъ новинки бѣгать — у отцевъ учиться, а не у сыновей и внучатъ. Иной опять говоритъ: «Все это прахъ и суета, все пустяки; отъ квасу да отъ сусла у васъ на душѣ мутитъ, плюнь да покинь, не ломай головы, бери готовое, тамъ гдѣ припасено: намъ–де того не выдумать, что выдумали другіе; опять же заморское все и лучше и дороже, затѣмъ на него и пошлина положена, и больше за него денегъ переплачиваютъ: не московской тафтичкѣ чета».

А погляди, что всѣ они, совѣтники наши, сами дѣлаютъ, такъ концевъ съ концами и не сведешь. Кто бранитъ наповалъ все заморское, тотъ самъ первый оттуда все и

таскаетъ — только развѣ на изнанку ину пору выворачиваетъ. Кто бранитъ свое, тотъ, глядь, либо тутъ, либо тамъ, промежъ французскаго да нѣмецкаго языка своего и вщемитъ, словно волчій хвостъ въ лещедку, что нибудь свойское, — такъ, ради пестроты и смѣху. Одинъ копается да роется за однимъ, другой за другимъ, третій за третьимъ, — и всякъ отстаиваетъ свое, у всякаго изба срублена со словцомъ, не спроста.... Ой, музыканты вы, музыканты! Да ужъ дайте, сядемъ что ли рядомъ!

Я бы думалъ такъ: поменьше молоть, да побольше молотить, а гдѣ еще не засѣяно, пахать да сѣять. Раненько еще, утреники прихватываютъ; не порывайтесь на печеный хлѣбъ, да на муку. Хлѣбъ–то и есть, да онъ еще на корню стоитъ и не цвѣтетъ; тутъ до мукомольной мельницы вашей еще много воды утечетъ.

Увидѣлъ я нынѣ козла, что провожалъ, будто за дѣломъ, по службѣ, лошадей на водопой; и больно заносчиво потряхалъ онъ бородкой, и величаво выступалъ напереди всѣхъ. Такъ я, на того козла глядя, не

взыщите съ меня, подумалъ вотъ что: ты пріятель, чванишься ни какъ тѣмъ, что отъ тебя несетъ псиной; а что на тебѣ есть дорогой подшерстокъ, пухъ, изъ котораго выдѣлываютъ за моремъ дорогія ткани, какимъ, сказываютъ, и цѣны нѣтъ, — такъ этого ты и не знаешь и нужды тебѣ до этого мало. Вотъ я что подумалъ, на козла того глядя, а больше ничего.